

УДК 94(3)

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОСЕДЛОСТИ У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

*Ф.Ш. Хузин, доктор исторических наук,
член-корреспондент АН РТ*

В археологии Волжской Булгарии появилась еще одна дискуссионная проблема, связанная с недостаточной изученностью ранних этапов археологии булгар, переселившихся из восточноевропейских степей на Волгу в течение VIII–IX вв. Суть дискуссии заключается в пересмотре хронологических рамок так называемого раннебулгарского («догосударственного, кочевнического и языческого») периода в истории Булгарского государства.

Еще в 1920-х гг. проф. В.Ф. Смолин предложил стройную, логически продуманную периодизацию истории волжских булгар, выделив в ней «начальный период булгарской культуры», который он считал временем оформления государственных институтов, постепенного перехода от преимущественно кочевого образа жизни к оседлости, появления первых стационарных поселений, сложения своеобразной культуры со значительными местными финно-угорскими и восточными элементами. Согласно представлениям В.Ф. Смолина, ранние булгары на Волге, в достаточной степени знавшие уже земледелие и ремесла, «меняют свои степные палатки-юрты на деревянные дома, случайные становища — на города, укрепленные валами и рвами»; по-

являются города Булгар («в пределах нынешнего пригорода Билярска»), ставший столицей страны, и Сувар, расцвет которых приходится уже на второй, домонгольский период (X — начало XIII в.)¹. Данная концепция была принята последующими исследователями практически безоговорочно и до сих пор господствует в историко-археологической литературе².

Многолетние работы Е.П. Казакова по изучению раннебулгарских могильников, в частности, Танкеевского некрополя второй половины IX–X вв., и некоторых поселений, в особенности Измерского селища X–XI вв., привели его к убеждению, на мой взгляд, весьма спорному, о кочевом характере булгарского общества до третьей четверти X столетия³. Заметим, что в более ранних работах конец раннебулгарского периода ученый доводил вплоть до XI в., определив весь X век как догосударственный, переходный этап от кочевания к оседлости, сопровождавшийся сменой булгарской языческой религии исламом⁴. Свою точку зрения, поддерживаемую в настоящее время и рядом других исследователей (см., напр., работы П.Н. Старостина⁵, Е.А. Беговатова⁶ и К.А. Руденко⁷), он изложил так: «В настоящее время выявлено, что ранние слои большинства поселений, в том числе и столичных

центров, относятся к 60-м гг. X в., когда из Приазовья, из гибнущей под ударами печенегов и Святослава Хазарии в Среднее Поволжье переселяются мусульманизированные группы — потомки «черных болгар» Батбая, которые принесли элементы культуры, неизвестные у волжских болгар, но с IX в. характерные для развитых районов салтово-маяцкой культуры: постантичную круговую посуду, развитое ремесло, земледельческие орудия (прогрессивные формы серпов, кос, лемехов, резаков) и т.д. С этого времени все, даже сельские некрополи, становятся мусульманскими, а культура страны приобретает те черты, которые существуют весь домонгольский период»⁸. Таким образом, согласно концепции Е.П. Казакова, население ранней Булгарии вплоть до 960-х гг. оставалось кочевниками, не знало ни земледелия, ни ремесел и продолжало поклоняться своим языческим богам. Полномочия Алмуша — правителя формирующегося государственного образования болгар странном образом сопоставляются Е.П. Казаковым «с властью франкского короля Хлодвига начала VI в.»⁹. В одной из последних работ основное Булгара на Волге и Суvara он относит, в виде исключения, к 40-м гг. X в., а ранний Биляр датирует почему-то более поздним временем¹⁰, не обращая внимания на полную идентичность их материальной культуры, представленной находками из ранних слоев этих поселений.

Изложенная концепция не может быть принята по ряду причин.

Начну с того, что климатические, природно-географические условия Среднего Поволжья (особенно холодные зимы с глубоким снежным покровом) не были благоприятными для круглогодичного кочевания.

Кочевники здесь подолгу никогда не жили — ни до появления болгар, ни после них. Поэтому можно полагать, что почти сразу же после «обретения родины» на Средней Волге часть болгарского населения, в первую очередь беднейшая, должна была постепенно оседать на землю и заняться земледелием и ремеслами.

Обратимся к письменным сведениям восточных авторов, которых наши оппоненты игнорируют под видом того, что они якобы подвергались позднее неоднократным редакциям, а археологи должны оперировать своими, вещественными источниками. Однако в историографии не было еще случая столь пренебрежительного отношения даже к кратким, малоинформативным сведениям современников. Мы тоже не можем их игнорировать.

Так, по сведениям арабского географа начала X в. Ибн Русте, труд которого был написан в период между 903—913 гг. и, естественно, описывает реалии конца IX в., большая часть болгар уже исповедовала ислам, в их селениях были мечети, а при них — начальные религиозные школы с муэдзинами и имамами¹¹. «Булгары — народ земледельческий, — продолжает он далее, — и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как то: пшеницу, ячмень, просо и другие»¹².

То же самое, по сути, повторяет Ахмед Ибн Фадлан в своих «Записках» о путешествии в составе Багдадского посольства в Булгарию (922 г.). Он говорит, что видел в этой стране мусульман-баранджар в количестве пяти тысяч душ мужчин и женщин, у которых имелись мечети¹³. По наблюдениям Ибн Фадлана, «пища их (булгар) — просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве, и каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя»¹⁴.

Как отмечал в свое время акад. Б.Д. Греков, комментируя слова Ибн Фадлана, у болгар, безусловно, к тому времени было уже «налаженное земледелие и индивидуальное освоение земли»¹⁵. Несмотря на отсутствие в этих источниках каких-либо указаний на наличие у них городов, трудно представить, что арабские авторы речь ведут о мусульманах-кочевниках, не имеющих постоянных поселений.

Как свидетельствуют источники, земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, но и создавало значительный прибавочный продукт, шедший на экспорт. В Лаврентьевской летописи 1024 г. говорится, что во время голода в Суздальской земле отправились русские по Волге в Болгар, «привезоша жито и тако ожиша»¹⁶. Вряд ли болгары, едва освоив земледельческую отрасль хозяйства в третьей четверти X в. (если принять точку зрения Е.П. Казакова), начали бы так скоро вывозить хлеб за пределы страны. Для этого необходимо, чтобы у населения были длительные и устойчивые традиции земледелия. А они были, о чем свидетельствуют археологические данные.

* * *

В восточноевропейских степях, как сообщают достоверные источники, болгары появляются в V в., а скорее, еще раньше – в составе гуннских орд¹⁷. Как раз к этому времени относятся первые следы оседлости в лесостепном Подонье, представленные уникальным юртообразным жилищем «выходцев из степей» на поселении Ксизово-19 в Липецкой области¹⁸. Им не требовалось столетий, чтобы начать оседлый образ жизни, когда для этого были соответствующие условия. А уже в VI в. сирийский автор Захарий

Ритор писал о наличии у болгар городов¹⁹, хотя это сообщение пока не находит подтверждения в археологии.

В конце VI в. болгары попали в зависимость от Западно-Тюркского каганата, после распада которого в 30-х гг. VII в. на восточных берегах Черного и Азовского морей, на Таманском полуострове и в Прикубанье образовалась Великая Болгария хана Кубрата. Подавляющее большинство населения этого государства было кочевым, тем не менее остатки стойбищ и даже следы оседлых поселений, принадлежавших, по мнению С.А. Плетневой, собственно болгарам, обнаруживаются археологами повсеместно²⁰.

Начальный период в истории ранней Булгарии Е.П. Казаков связывает «с приходом болгар (первая волна) на Волгу из районов салтовской культуры в конце VIII–IX вв.»²¹. Между тем первую волну переселений болгар самарские археологи вполне обоснованно относят ко времени распада Великой Болгарии Кубрата. Археологически это подтверждается курганными и грунтовыми могильниками новинковского типа на территории Самарско-Ульяновского Поволжья, которые, по мнению их исследователей, оставлены болгарскими переселенцами в конце VII – первой половине VIII в.²² Антропологи считают, что новинковцы входили, скорее всего, «в круг болгарских племен Подонья»²³. Очевидно, правы Г.И. Матвеева и С.А. Плетнева, полагавшие, что носители новинковской культуры переселились в Среднее Поволжье одновременно с миграцией болгарской орды Аспаруха на Нижний Дунай²⁴. Ради справедливости отметим, что не все исследователи признают новинковцев болгарскими, но никто не сомневается в их принадлежности к тюркским племенам «южного» (Северное Приа-

зовье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ) и «восточного» (Южная Сибирь, Алтай) происхождения, вошедшим в состав населения формирующейся Волжской Булгарии²⁵.

Следующая миграционная волна болгар из районов Подонья на Среднюю Волгу маркирована рядом памятников, расположенных в Самарской, Ульяновской областях и в Республике Татарстан. Среди них выделяется хорошо изученный археологами Больше-Тарханский могильник, датированный серединой VIII – первой половиной IX в.²⁶ По общепринятому мнению, толчок к данному переселению дали арабо-хазарские войны, точнее, крупное поражение Хазарского каганата от войск Мервана в 737 г., результатом которого явилось принятие каганом ислама²⁷. Впрочем, до IX в. и даже в первой его половине ислам вряд ли был широко распространен среди рядового населения Хазарии²⁸. Об этом свидетельствует и языческий характер средневожских могильников ранних болгар этого времени. Большинство исследователей считает основной территорией, из которой происходило распространение ислама в Хазарии, Среднюю Азию, в частности, Хорезм²⁹. Археологические раскопки последних десятилетий показывают значительную мусульманизацию населения каганата, конкретно региона Среднего Донечья, только со второй половины IX столетия³⁰.

По утверждению С.А. Плетневой, сами хазары оставались кочевниками до самой гибели каганата, но другие этнические группы, в том числе и болгары, аланы, савиры, были полуоседлыми и оседлыми. В VIII–IX вв. у них были города и крепости, обитали они не в переносных юртах, а в полуземлянках и стационарных юртообразных жилищах. Занимались земледе-

лием и виноградарством, различными видами ремесла, торговлей. Как справедливо подчеркивает С.А. Плетнева, «общая оседлость населения каганата и в основном земледельческий характер его экономики» не подлежат сомнению³¹. Нет оснований полагать, что болгары, переселившись на Среднюю Волгу в середине VIII в., вновь перешли на кочевой образ жизни.

В рассматриваемое время на Средней Волге и Нижней Каме появляются племена, отличные по этносу от тюркоязычных болгар. Им принадлежит уникальный Больше-Тиганский могильник (Алексеевский р-н РТ), оставленный ранними венграми на пути их движения в Паннонию³². Следы контактов ранних болгар и венгров-мадьяр четко прослеживаются на археологических материалах³³.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла, как полагают исследователи, во второй половине IX в., и она продолжалась практически до начала X столетия. Причиной новой миграции стали смуты среди болгар, связанные с принятием в Хазарии иудейской религии, и мощное наступление печенегов, вызвавшие неспокойную обстановку в стране. По этому поводу С.А. Плетнева писала: «Большинство неукрепленных степных поселений были разгромлены и сожжены в начале X в. Снова поднялось и большими группами стало отходить из степей Донского бассейна заселявшее их население в начале X в. Шли уже по проторенным дорогам: на Дунай, в лесостепи, в лесные славянские земли и в Волго-Камье. Все это подтверждается, прежде всего, археологически»³⁴.

Как отмечено выше, одной из серьезных причин отхода болгар на Среднюю Волгу С.А. Плетнева считала волнения среди населения, вы-

званные принятием привилегированной верхушкой каганата иудаизма. При этом она утверждает, что «менее всего в Хазарии пользовался популярностью ислам»³⁵. Между тем никаких следов иудейской религии среди археологических памятников Хазарии до сих пор не обнаружено³⁶, тогда как весьма выразительны погребения, причем достаточно многочисленные, совершенные по канонам ислама³⁷. Среди переселенцев-булгар, нашедших вторую родину на Средней Волге, были, конечно, и мусульмане, о чем сообщают, как уже упоминалось, Ибн Русте и Ибн Фадлан, зафиксировавшие их до 922 г. Эти булгары принесли с собой и руническую письменность, употреблявшуюся, наряду с арабской графикой, практически до XI–XII вв.³⁸

Эталонным памятником волжских булгар этого времени является знаменитый Танкеевский могильник, начавший функционировать во второй половине IX в. – крупнейший из раннесредневековых некрополей Восточной Европы, в изучении которого следует отметить огромную заслугу Е.П. Казакова и Е.А. Халиковой³⁹. Понятно, что кочевники не могли оставить такой огромный некрополь, содержащий, по предварительным оценкам, более 5 тысяч могил, поздние из которых совершенны по мусульманскому обряду. Кочевникам принадлежат, как правило, одиночные могилы, разбросанные по огромным степным пространствам, или впускные могилы в курганах эпохи бронзы. В округе Танкеевского могильника проживало, несомненно, значительное количество оседлого населения. К сожалению, их поселения пока не обнаружены. О том, что стационарные поселения уже появились, по крайней мере, с конца IX

столетия, может косвенно свидетельствовать начало чеканки булгарским ханом Джафаром ибн Мухаммадом, принявшим уже ислам (языческое имя – Алмуш), собственных монет в 902–908 гг.⁴⁰

Погребальный обряд и богатый вещевой инвентарь танкеевского населения во многом близки больше-тарханским и больше-тиганским, но имеют и свою специфику, которая проявляется главным образом в керамике, характерной для памятников полемской, ломоватовской и ранне-родановской культур Верхней Камы, Чепцы, и является, несомненно, результатом проникновения на Среднюю Волгу угро-финских, сильно тюркизированных племенных групп⁴¹. Эти племена на прежней своей территории вели оседлый образ жизни⁴².

Последнюю волну переселений болгарского населения из районов Подонья Е.П. Казаков относит к концу X столетия⁴³, что вполне вероятно. Логично увязать причину данной миграции с распадом Хазарского каганата в 960–970-х гг. Одновременно⁴⁴, а скорее даже несколько раньше, еще в начале X в.⁴⁵, с территории Верхнего Прикамья спускается на Волгу полукочевое угорское население, археологическим отражением которого является круглодонная с цилиндрической шейкой посуда, украшенная гребенчато-шнуровым орнаментом (керамика типа «постпетрогром»). Именно в это время, т.е. в последней четверти X столетия, по мнению авторов новой концепции переходного периода, происходит окончательное формирование у булгар государственности, сопровождаемое массовым оседанием прежде кочевого населения, возникновением сельских (земледельческих) и городских (торгово-ремесленных) поселений с материальной культурой,

характерной для последующих XI — начала XIII вв., а также почти полной победой ислама над язычеством. Коротче говоря, болгары последней волны миграции принесли на Среднюю Волгу все основные элементы культуры, ставшие классическими в домонгольский период.

Эту культуру принесли, по утверждению Е.П. Казакова, потомки «черных болгар» Котрага, обитавшие в приазовских степях. Несомненно, в передвижении участвовали и болгары степных и лесостепных районов Подонья, о чем свидетельствует лепная с подправкой на круге и гончарная посуда шамотного или песочного теста, волнистым и сплошным линейным орнаментом (рифлением) по тулову, характерная для указанных регионов салтово-маяцкой культуры и встречающаяся в слоях ранних поселений волжских болгар. Но такая посуда известна еще с конца IX — начала X вв. и ее появление связано, безусловно, с предыдущей волной переселений болгар⁴⁶. Любопытно, что на болгарских поселениях, возникших в конце X — начале XI вв., например, в материалах пензенской группы памятников, керамика салтово-маяцких истоков отсутствует⁴⁷. Что касается так называемой «постантичной», по терминологии Е.П. Казакова, посуды приазовских болгар, якобы идентичной красноглиняной керамике поселений домонгольской Булгарии, то ни в памятниках Приазовья, ни в памятниках степного и лесостепного Подонья она не зафиксирована⁴⁸. Поэтому причины кардинальных изменений, наблюдаемых в материальной культуре волжских болгар при переходе от догосударственного к государственному периоду их истории, вряд ли следует искать исключительно в передвижениях населения. Постепенная

модификация культуры, в частности, гончарства связана, безусловно, с развитием прогрессивных технологий производства. Прогресс в области земледелия в новых природно-географических условиях Среднего Поволжья способствовал появлению усовершенствованных орудий обработки почвы и уборки урожая. Более суровые, чем на юге, климатические условия требовали замены юртообразных жилищ срубными домами. И, наконец, в сложении специфичной культуры домонгольских болгар нельзя отрицать роли государственной идеологии в виде ислама, культурных контактов с соседними народами, странами Востока и Запада.

Новые археологические открытия последних лет с несомненностью свидетельствуют о начале седентаризации волжских болгар задолго до возникновения у них государственности.

Г.И. Матвеева, изучавшая новинковские памятники Самарского Поволжья, рассматриваемые ею как древности болгар первой волны переселений, полагала, основываясь на ряде находок из погребений, в числе которых был и плужный резак, что оседание их на землю начиналось еще в первой половине VIII в.⁴⁹ Более выразительные материалы, подтверждающие данное заключение, были получены Г.И. Матвеевой и С.Ф. Ермаковым при исследовании Севрюкаевского II поселения. Здесь были обнаружены лепная и гончарная керамика салтово-маяцкого типа, обломки амфор, каменных жерновов, предметы из железа, кости и пр. находки. «Таким образом, — заключают исследователи, — новинковцев следует считать не кочевниками, а оседлыми племенами, знакомыми с земледелием»⁵⁰.

К аналогичному выводу пришел Д.А. Сташенков, исследовавший вещевой комплекс Пролетарского городища на Самарской Луке: «Впервые в регионе на поселенческом памятнике в значительном количестве обнаружены фрагменты амфор и круговой салтово-маяцкой керамики, маркирующие начало процесса седентаризации кочевников хазарского времени»⁵¹.

В середине 1980-х гг. Ю.А. Семькиным было изучено Абрамовское поселение VIII в. в Ульяновской области, в культурном слое которого заметное место занимали материалы раннеболгарского времени. Среди находок представляет интерес фрагмент кувшина, прямые аналогии которому автор находит в керамической коллекции Больше-Тарханского могильника второй половины VIII – первой половине IX вв. Металлографический анализ предметов из железа выявил технологию, характерную опять же для кузнечного комплекса из Больших Тархан. По мнению исследователя, средневековый комплекс Абрамовского поселения «является сезонной кратковременной стоянкой группы раннеболгарского населения, в составе которой были специалисты-металлурги, проводившие на базе местных выходов луговой железной руды металлургические эксперименты по получению сыродутного железа»⁵².

Результативными оказались исследования Ю.А. Семькина на городище «Чертов городок», в материалах которого были обнаружены раннеболгарская керамика, имеющая близкие аналогии в том же Больше-Тарханском могильнике, а также фрагменты сосудов финно-угорского населения Верхнего Прикамья. В высшей степени интересным представляется заключение Ю.А. Семькина о совместном

проживании в этом городке ранних болгар и поздних именьковцев, совместными усилиями которых были сооружены оборонительные укрепления данного поселения. Вопреки сложившимся представлениям, исследователь обоснованно считает, что уже в начале раннеболгарского периода на территории Среднего Поволжья существовали поселения в виде сезонных стоянок типа Абрамовского селища с бедным культурным слоем и стационарных укрепленных поселений типа «Чертова городка», на которых жили круглогодично⁵³.

Еще в 1954 г. Т.А. Хлебниковой проводились раскопки Малопальцинского селища в Ульяновской области. Керамический комплекс данного памятника весьма своеобразен – лепная посуда в нем составляет до 60% от общего количества всех находок. Заметим, что такой большой процент архаичной посуды не содержит ни одно из известных нам по раскопкам болгарских поселений. Видимо, поэтому Г.А. Федоров-Давыдов, говоря о процентном соотношении лепной и гончарной керамики как о наиболее важном хронологическом критерии при датировке поселений, склонен был относить время существования Малопальцинского селища к VIII–X вв.⁵⁴ Автор раскопок Т.А. Хлебникова датировала его X–XI вв., указав одновременно, что возникновение поселения произошло на рубеже IX–X вв.⁵⁴ Представляется, однако, что в этом вопросе более прав был Г.А. Федоров-Давыдов. Основную группу лепной керамики поселения исследователи сопоставляют с кочевнической посудой салтово-маяцкой культуры районов Подонья, особенно ярко представленной в хазарской крепости Саркел⁵⁵. Нельзя не заметить определенного сходства малопаль-

цинской керамики с группой посуды Больше-Тарханского могильника и Севрюкаевского II селища⁵⁶. Есть все основания считать, что на этом поселении жили оседающие на землю болгары, недавно переселившиеся из южных областей.

Кроме вышеупомянутых памятников, археологами обнаружены десятки местонахождений, отдельных вещей в слоях домонгольских поселений, свидетельствующих о процессе седентаризации, происходившем в VIII–IX вв. на всей территории расселения ранних булгар⁵⁷. Среди них огромный интерес представляют два селища, исследованные в 1980–1990-х гг. П.Н. Старостиным за пределами северо-восточных укреплений Болгарского городища в низовьях Малоиерусалимского оврага⁵⁸. Материалы обоих памятников имеют исключительное значение для изучения вопросов, связанных не только с происхождением города Болгара, но и временем появления ранних поселений волжских булгар.

Более ранним является Малоиерусалимское II, расположенное на склоне левого берега оврага. В культурном слое мощностью около 20–30 см вскрыты остатки четырех жилищ типа полуземлянки подпрямоугольной формы (3,6 x 2,7 м), хозяйственные ямы-кладовки, зернохранилища, столбовые ямки. В них обнаружены железные ножи, топор, коса-горбуша, обломки каменных жерновов, стеклянные бусы, медные браслеты, костяные изделия. Основную часть находок составляет гончарная и лепная керамика. В первой группе посуды выделяется кувшин с расширением тулова в нижней части, близкий по всем параметрам данной категории сосудов из раннебулгарских могильников. В численно преоб-

ладающей группе лепной керамики значительное место занимает посуда, характерная для памятников полемской и ломоватовской культур Верхнего Прикамья. Часть сосудов имеет южные, салтово-маяцкие истоки⁵⁹. Редкими для культурного слоя поселений являются саманидские дирхемы в количестве 5 экз. Самая ранняя из них чеканена в 894/895 гг. В одном из жилищ обнаружена монета 898/899 гг. Поздние монеты относятся к 913–932 гг.⁶⁰

Основываясь на вышеперечисленных материалах, П.Н. Старостин, а вслед за ним и Е.П. Казаков датируют время существования левобережного Малоиерусалимского поселения первой третью X столетия, называя его ранним Болгаром. Мне представляется, что в указанное время поселение еще функционировало, но возникновение его относится к более раннему времени, скорее всего, ко второй половине IX в. При датировке поселенческих памятников ориентироваться лишь на находки монет не совсем корректно, ибо они могли появиться позднее, а не в момент основания поселения. Кроме того, следует учесть, что вышеописанный весьма специфичный керамический комплекс совершенно не характерен для раннего, VI слоя Болгарского городища, возникшего, по единодушному признанию исследователей, в начале X в.⁶¹ Заметим попутно, что до сих пор ранний Булгар археологически локализовали в пределах современного городища, в северной его части, примерно там, где сегодня находятся остатки Соборной мечети, построенной в золотоордынское время. Он занимал в X–XI вв. небольшую площадь (около 9 га), укрепленную деревянной стеной и глубоким рвом⁶². Мои же оппоненты пытаются дока-

зять, что ранний Болгар располагался в Малоиерусалимском овраге, т.е. за пределами городища, и лишь в третьей четверти X в. было основано новое поселение, вошедшее в историко-археологическую литературу под названием Болгарское городище. Трудно представить, что Багдадское посольство 922 г. было принято болгарским ханом Джафаром ибн Абдаллахом (Алмушем) в небольшом поселении, располагавшемся в глубоком овраге, где якобы состоялось официальное признание Болгарии страной ислама.

В некоторых своих работах Е.П. Казаков в виде исключения относит возникновение двух городов — Болгара и Сувары — к 40-м гг. X в., очевидно, с учетом сведений восточных авторов, упоминавших их в своих трудах, написанных в первой трети этого столетия⁶³. По мнению исследователя, население Болгара, «как язычники, так и мусульмане, могли хоронить своих умерших на древнем кладбище своих предков, возникшем как культовый центр одного из этнокультурных объединений еще в IX в.», т.е. в Танкеевском некрополе⁶⁴. Биляр, как и другие постоянные поселения, был основан, по утверждению Е.П. Казакова, лишь в «измерское время», которое начинается с 960-х гг.

Огромное по своим размерам (более 60 га) Измерское и расположенное всего в 3 км от него Семеновское поселения изучаются Е.П. Казаковым начиная с 1960-х гг. Работы его носили охранно-спасательный характер и сводились в основном к сбору подъемного материала. Поражает обилие находок из разрушаемого Куйбышевским водохранилищем культурного слоя поселений, особенно предметов торговли (десятки весов и их деталей, сотни гирек разного типа, огромное количество монет, в том числе и за-

падноевропейских), изделий ювелирного производства, предназначенных для торговли. Время существования этих поселений с торгово-ремесленным уклоном Е.П. Казаков определяет последней четвертью X—XI вв. Мне кажется, есть основания датировать время их возникновения первой половиной X в. Керамическая коллекция, судя по скудным публикациям, содержит, наряду с общеболгарской гончарной, группы лепной посуды салтово-маяцких и прикамско-приуральских истоков. Отдельные типы стеклянных бус, накладок, подвесок, пряжек и других предметов датируются в целом X—XI вв., но часть из них выходит из употребления к середине X в.⁶⁵ Среди нумизматических находок с Измерского поселения имеется саманидский дирхем 902—908 гг.⁶⁶ Там же обнаружена и более ранняя монета — серебряный дирхем из Герата, чеканенный в 814 г.⁶⁷ Думаю, не случайно оказались они в культурном слое — все это свидетельствует о более раннем времени возникновения поселения. В первой четверти X в. Измерское и Семеновское торгово-ремесленные поселения уже успешно функционировали.

Классическими памятниками, время возникновения которых, на мой взгляд, не подлежит никакому сомнению, являются Болгарское, Суварское и Билярское городища, домонгольские слои каждого из которых содержат почти идентичный, хронологически не отличающийся друг от друга материал. Болгар и Сувар упоминаются в письменных источниках первой половины X столетия, начиная с 920-х гг., как крупные города, имеющие до 10 тысяч жителей⁶⁸. Судя по некоторым находкам, обнаруженным на территории Билярского городища, оно возникло, скорее все-

го, на месте более ранних поселений, существовавших уже в конце IX — начале X вв. Любопытно, что количество лепной посуды в культурном слое Биляра больше (в среднем 3–5% от общего количества керамики), чем на Суваре (менее 1%). Среди находок из нижнего горизонта культурного слоя имеются вещи (наконечники стрел, стеклянные бусы, украшения из цветного металла и т.п.), бытовавшие в IX — начале X вв.⁶⁹ Значительное количество находок этого времени, известных из старых коллекций, было раньше опубликовано А.Х. Халиковым⁷⁰.

Таким образом, мы не видим достаточных оснований для расшире-

ния верхней хронологической границы раннебулгарского периода почти до конца X в. Конец IX — первая четверть X столетия — это, безусловно, завершающий этап оседания волжских булгар на землю, время массового появления стационарных поселений, в том числе и городов. Эти процессы происходили на фоне сложения новых форм общественных порядков, формирования государственности, налаживания связей с соседними народами, установления дипломатических отношений с Багдадским халифатом, результатом которого стало вхождение Волжской Булгарии в число стран исламской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Смолин В.Ф.* Археологический очерк Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана. — Казань, 1925. — Вып. 2. — С. 32–34.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Часть 1. (IX–XIII вв.) / Под ред. Б.Д. Грекова и др. — М., 1953. — С. 720–723; *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X — начале XIII в. — Казань, 2001.

³ *Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи изучения древностей Волжской Булгарии // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. — М., 1999. — С. 96–99; *он же.* Итоги, проблемы и перспективы изучения древностей волжских болгар на рубеже XX–XXI вв. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы науч. конф. — Ижевск, 2000. — С. 152–156; *он же.* Актуальные проблемы археологии Волжской Булгарии // XV Уральское археологическое совещание. Тез. док. Международ. науч. конф. — Оренбург, 2001. — С. 21.

⁴ *Казаков Е.П.* Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. — Казань, 1982. — С. 36.

⁵ *Старостин П.Н.* О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. — М., 1999. — С. 99–101.

⁶ *Беговатов Е.А.* Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. — СПб., 2006. — С. 146; *он же.* Второе Билярское селище — торгово-ремесленный комплекс Волжской Булгарии рубежа X–XI вв. // Форум «Идель — Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. — Казань, 2009. — С. 184–186.

⁷ *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI — начале XIII вв.: поселения и материальная культура. — Казань, 2007. — С. 37.

⁸ *Казаков Е.П.* Некоторые итоги и задачи..., с. 98.

⁹ *Казаков Е.П.* О становлении государственности Волжской Булгарии в IX–XI вв. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. — Казань, 2000. — С. 23.

¹⁰ *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Булгарии // Finno-Ugrica. — Казань, 2008. — № 11. — С. 34–39.

¹¹ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада. — СПб., 1869. — С. 23.

¹² Там же.

¹³ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956. – С. 138.

¹⁴ Там же. – С. 136.

¹⁵ *Греков Б.Д.* Волжские булгары в IX–X вв. // Исторические записки. – М., 1945. – Т. XIV. – С. 4.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – М., 1962. – С. 147.

¹⁷ *Сиротенко В.Т.* Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV–VII вв. // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – 1961. – Т. XX, вып. 4. – С. 14 и сл.; *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 31.

¹⁸ *Обломский А.М.* Юртообразная постройка V века н.э. на территории Верхнего Подонья // Средневековая археология евразийских степей. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Вып. 3). – М.; Йошкар-Ола, 2006. – С. 40–52; *он же.* Краткие сведения о результатах исследования поселения и могильника Ксизово-19 Задонского района Липецкой области // Форум «Идель – Алтай». Материалы науч.-практич. конф. «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международ. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. док. – Казань, 2009. – С. 184–186.

¹⁹ *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л., 1941. – С. 165.

²⁰ *Плетнева С.А.* Древние болгары..., с. 37.

²¹ *Казаков Е.П.* О становлении государственности..., с. 22.

²² *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков татар Волго-Камья). – Самара, 1998; *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997.

²³ *Рудь М.Н.* Антропологические исследования средневекового населения из Новинковского курганного могильника // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1987. – С. 141.

²⁴ *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар..., с. 98; *Плетнева С.А.* Древние болгары..., с. 42.

²⁵ *Зубов С.Э.* Заселение кочевниками-болгарами Среднего Поволжья в VII–VIII вв. (к вопросу об этнокультурной компоненте). Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 17.

²⁶ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. (Больше-Тарханский могильник). – М., 1964.

²⁷ *Артамонов М.И.* История хазар. – Л., 1962. – С. 262; *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань, 1989. – С. 74.

²⁸ *Кравченко Э.Е.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005. – С. 168.

²⁹ *Артамонов М.И.* История хазар..., с. 226; *Быков А.А.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX веках // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1974. – Вып. III. – С. 60 и сл.; *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. – М., 1990. – С. 21 и сл.

³⁰ *Копыл А.Г., Татаринов С.И.* Мусульманские элементы в погребальном обряде прабогар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990. – С. 52–71; *Кравченко Э.Е.* Мусульманское население..., – С. 153–186.

³¹ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 207; *Флеров В.С.* Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. – М., 1996.

³² *Chalikova E.A., Chalikov A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural: Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. – Budapest, 1981.

³³ *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – С. 31 и сл.

³⁴ *Плетнева С.А.* Древние болгары..., с. 48–49.

- ³⁵ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. — С. 214.
- ³⁶ *Флеров В.С., Флерова В.Е.* Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // *Хазары. (Евреи и славяне. Т. 16).* — Иерусалим; М., 2005. — С. 185–206.
- ³⁷ *Кравченко Э.Е.* Мусульманское население..., — С. 153–186.
- ³⁸ *Кочкина А.Ф.* Рунические знаки на керамике Биляра // *Советская тюркология.* — Баку, 1985. — № 4; *Халиков А.Х.* Рунические знаки и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // *Археология.* — София, 1988. — № 2. — С. 36 и сл.; *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. (Опыт палеографического анализа) — М., 1990. — С. 56.
- ³⁹ *Khalikova T.A., Kazakov E.P.* Le cimetiére de Tankeevka // *Les ansiens hongrois et les ethnies voisines a l'Est.* — Budapest, 1977.
- ⁴⁰ *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // *МИА.* — 1962. — № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. Т. IV). — С. 179–204.
- ⁴¹ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. — М., 1992. — С. 234 и сл.
- ⁴² *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985. — С. 64 и сл.; *она же.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск, 1999. — С. 346.
- ⁴³ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии..., с. 304.
- ⁴⁴ *Казаков Е.П.* Постпетрогромская культура: истоки, время, территория // *Четвертые Берсовские чтения.* — Екатеринбург, 2004.
- ⁴⁵ *Хузин Ф.Ш.* К вопросу о так называемой «постпетрогромской культуре» // *Камский торговый путь. Материалы Всерос. науч. конф.* — Елабуга, 2008.
- ⁴⁶ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984. — С. 221, 228.
- ⁴⁷ *Белорыбкин Г.Н.* Посуда памятников XI–XIII вв. Пензенского края // *Из истории области. Очерки краеведов.* — Пенза, 1990. — Вып. 2. — С. 74–91.
- ⁴⁸ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии..., с. 24 и сл.
- ⁴⁹ *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар..., с. 99.
- ⁵⁰ *Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И.* Севрюкаевское селище // *Вопросы древней истории Волго-Камья.* — Казань, 2002. — С. 49.
- ⁵¹ *Сташенков Д.А.* Самарское пограничье: к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья // *Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф.* — М., 1999. — С. 76.
- ⁵² *Семыкин Ю.А.* К вопросу о поселениях ранних болгар на Самарской Луке // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф.* — Самара, 1996. — С. 67.
- ⁵³ Там же. — С. 74; см. также: *Семыкин Ю.А.* Исследования на территории Чертова городка // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии).* Тез. науч. конф. — Самара, 1997. — С. 56–58.
- ⁵⁴ *Федоров-Давыдов Г.А.* Тигашевское городище. (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // *МИА.* — 1962. — № 111. (Тр. Куйбышев. археол. эксп. — Т. IV). — С. 76, прим. 24.
- ⁵⁵ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии..., с. 75.
- ⁵⁶ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге..., табл. VII, 6–10, 15, 16; *Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И.* Севрюкаевское селище..., с. 49.
- ⁵⁷ *Хлебникова Т.А., Казаков Е.П.* К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // *Из археологии Волго-Камья.* — Казань, 1976. — С. 109–136.
- ⁵⁸ *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // *Археология Волжской Болгарии: проблемы, поиски, решения.* — Казань, 1993. — С. 53–63; *он же.* О новых ранних поселениях болгар на Волге // *Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф.* — Самара, 1995. — С. 81–83; *он же.* Ранние напластования в северо-восточной части Болгарского городища // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Тр. Международ. конф.* — М., 1997. — Т. 3. — С. 108–110.
- ⁵⁹ *Старостин П.Н.* Раннее поселение..., с. 56 и сл.
- ⁶⁰ *Старостин П.Н.* О раннем Болгаре..., с. 101.

⁶¹ *Хлебникова Т.А.* Ранний Булгар // СА. – 1975. – № 2.; *она же.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. – М., 1987. – С. 50–51.

⁶² *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город..., с. 121–122.

⁶³ *Казиков Е.П.* Актуальные проблемы..., с. 161.

⁶⁴ *Казиков Е.П.* О ранней дате столичных городов..., с. 36; *он же.* К проблеме датировки столичных центров домонгольской Булгарии по археологическим материалам // Проблемы охраны и реставрации памятников в современных условиях. – Казань, 2003. – С. 93–94.

⁶⁵ *Казиков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 27, 86, 105, 107, 120, 127, 149.

⁶⁶ Там же. – С. 29.

⁶⁷ *Беговатов Е.А.* Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура // Finno-Ugrica. – 1999. – № 1 (3). – С. 31.

⁶⁸ *Хузин Ф.Ш.* Булгарский город..., с. 138 и сл.

⁶⁹ *Хузин Ф.Ш.* Великий город на Черемшане. – Казань, 1995. – С. 106–118.

⁷⁰ *Халиков А.Х.* О столице домонгольской Булгарии // СА. – 1973. – № 3. – Рис. 5.

Аннотация

Временем окончательного перехода переселившихся на Среднюю Волгу болгар-кочевников к полной оседлости традиционно считался рубеж IX–X вв., когда у них сложилось государство, возникли города и поселения сельского типа, началась чеканка монет и т.д. Недавно появилась новая концепция, авторы которой (Е.П. Казиков, К.А. Руденко, Е.А. Беговатов и др.) появление стационарных поселений болгар относят лишь к третьей четверти – концу X столетия, считая раннюю Булгарию на Волге кочевническим государством. В предлагаемой статье приводятся данные письменных, археологических и нумизматических источников, свидетельствующие о начале седентаризации болгар еще в VIII в. По мнению автора, время основания городов Булгара, Сувара, Биляра (Великого города), а также ряда торгово-ремесленных поселений первой четверти X в. находит подтверждение в археологических материалах.

Ключевые слова: ранние болгары, седентаризация, Малоиерусалимское поселение, Булгар, Сувар, Биляр, торгово-ремесленные поселения.

Summary

The period of the final transfer of the nomadic Bulgars, who moved to the area of the Middle Volga, to settled life was considered the end of the IX and the beginning of the XX century, when the state was formed, the cities and settlements appeared, coining of money began. A new conception has recently appeared, and its authors relate the appearance of permanent settlements of the Bulgars only to the third quarter – the end of the XX century, considering early Bulgaria on the Volga to be the nomad state. The article represents some data from written, archaeological and numismatic sources which are the evidence of the beginning of settling of the Bulgars in the VIII century. According to the author's viewpoint the time of the foundation of such cities as Bulgar, Suvar, Bilyar and the range of trading settlements of the first quarter of the X century finds its confirmation in archaeological materials.